

1. Lefevere, A. The Gates of Analogy: the Kalevala in English // Bassnett, S. & Lefevere, A. (Eds.). Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. – Clevedon etc.: Cromwell Press, 1998. – Pp. 76–89.
2. Lefevere, A. Translation, rewriting and the manipulation of literary fame. – London: The Cromwell Press, 1992. – 169 p.
3. Neubert, A. Text und Uberetzung. – Leipzig: Enziklopaedie, 1985. – 168 S.
4. Newmark, P. Approaches to translation. – Oxford: Pergamon, 1981. – 240 p.
5. Nida, E.A. Toward a science of translating. – Leiden: Brill, 1964. – Pp. 182–192.
6. Ross C.D. Translation and similarity // Rose, C.D. (Ed.). Translation Spectrum. – Albany, 1981. – Pp. 13–25.
7. Toury, G. Translation, literary translation and pseudotranslation // Comparative Criticism. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – Vol. 6 –Pp.73–85.
8. Venuti, L. The translation studies reader. – London: Routledge, 2004. – 541 p.
9. Vermeer, H. J. & Reiss, K. Grundlegung einer allgemeinen Translation Theory. – Tubingen, 1963. – 357 S.

А.А. Залевская

ЕДИНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА ЧЕЛОВЕКА
(к уточнению понятия)

«... пример предрассудка мы видим в понятии о слове. Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, как оно является в словарях. Это все равно, как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живет, а как искусственно приготовлено для целей познания»

(А.А. Потебня)

В ходе разработки психолингвистической теории **слова как достояния индивида** и выявления принципов организации «внутреннего лексикона» мною более сорока лет тому назад в публикации [1] было введено понятие единой информационной базы человека, трактуемой в качестве *самоорганизующейся функциональной динамической системы* – совокупного продукта переработки разнообразного (в том числе речевого) опыта индивида.

Рассматриваемая база была названа *информационной* не только из-за популярного в то время общенаучного информационного подхода, но прежде всего благодаря тому, что этот термин должен был передать идею аккумуляции **всего познаваемого** человеком как представителем вида и членом определенного социума через его контакты с естественным и социальным окружением и **перерабатываемого** механизмами психической деятельности индивида, т.е. не просто узнаваемого, а **постигаемого** и лично **переживаемого** при постоянном взаимодействии *перцептивных, когнитивных и аффективных* (эмоционально-оценочных) процессов.

Определение *единая* должно было акцентировать внимание на том, что

названная база объединяет продукты переработки не только коммуникативного опыта (т.е. не ограничивается единицами вербального кода), но включает перцептивные образы разных модальностей и эмоционально-оценочные переживания, в том числе соответствующим образом маркирующие вербальные составляющие опыта. Слово *база* было выбрано в качестве ключевого из тех соображений, что без подобной совокупной платформы невозможно ориентироваться в окружающем мире и взаимодействовать при общении: всё воспринимаемое (в том числе при общении, т.е. через слово) идентифицируется сквозь призму уже имеющегося в совокупном опыте, что обеспечивает саму возможность находить «точки соприкосновения», без которых понимание и взаимопонимание оказались бы невозможными. Уточнение «единая информационная база *человека*» было своевременным и существенным в условиях, когда всё связанное с языком трактовалось исключительно через призму трактовки языка как общественного явления, функционирующего и развивающегося по своим собственным законам (при фактическом игнорировании субъекта пользования языком – индивида как носителя языка и как личности).

Принципиально важным в публикации 1977 года было то, что там же были заложены основы трактовки слова как *средства доступа* к единой информационной базе человека, формирующейся по закономерностям психической жизни индивида, но под контролем социума и – шире – культуры. С опорой на работы отечественных ученых (в том числе И.М. Сеченова, Л.С. Выготского, Л.В. Щербы, Н.И. Жинкина) было показано, как через *своеобразную переработку* (термин Л.В. Щербы) многообразного опыта¹ и с множеством переходов при формировании сначала *чувственных конкретов*, а затем – *мысленных абстрактов* (термины И.М. Сеченова) слово начинает играть роль, сходную с ролью лазерного луча при считывании голограммы. Известно, что голограмма характеризуется, в частности, объемностью и тем, что по ее части можно восстановить целое, повернуть это целое разными гранями, увидеть его в разных ракурсах. Подобно этому слово «высвечивает» в индивидуальном образе мира некоторый объект (действие и т.д.) при обязательной включенности в некоторую ситуацию, при этом и объект, и ситуация могут обернуться любой гранью при изначально подразумеваемой (на разных уровнях осознаваемости) целостности и эмоционально-оценочной помеченности.

Образ лазерного луча при считывании голограммы должен был акцентировать внимание на том, что для пользователя языком в естественных ситуациях (в отличие от условий лингвистического анализа) важно не слово само по себе, а именно то, что стоит **за словом** (т.е. хранится в памяти и может быть из нее извлечено во всем богатстве связей и отношений) в *единой информационной базе человека* (выделяю все составляющие этого термина курсивом, чтобы показать важность наиболее полного понимания моей трактовки этого термина теми, кому он оказался

¹ Л.В. Щерба говорил о переработке только речевого опыта.

полезным в каких-то отношениях). В противовес общепринятым в то время представлениям о том, что со словом человек увязывает его значение в том виде, в каком оно представлено в словарях, с учетом предложенного Н.И. Жинкиным понятия *универсального предметного кода* было высказано предположение, что во внутреннем лексиконе человека функционируют *единицы разных уровней обобщения* (вспомним И.М. Сеченова!), не всегда доступные для вербализации, но играющие роль опор для постоянно протекающих у человека (независимо от его воли и сознания) процессов анализа и синтеза, сравнения и классификации (снова И.М. Сеченов). Единицы наиболее высокого уровня обобщения были в [1] увязаны с этапом формирования замысла высказывания в модели речемыслительного процесса, предусматривающей многократные петли обратной связи, которые должны обеспечивать соответствие продуктов каждого этапа этого процесса именно исходному замыслу. Более того, был сделан вывод, что для единиц каждого уровня обобщения может быть характерен специфический синтаксис, поэтому активно дискутировавшийся в те времена вопрос о приоритете синтаксиса или словаря вообще подобен спору о первичности курицы или яйца.

Важным представляется и развитие почерпнутой у Л.В. Щербы идеи о необходимости разграничения *процесса* и *продукта* речевой деятельности: такое разграничение помогло показать различия между процессами и получаемыми продуктами в условиях, с одной стороны, переработки индивидом опыта *познания* и *общения* (что дает *концепты*), а с другой – *метаязыковой* деятельности исследователя-лингвиста (продуктом чего выступают *конструкты*).

Дальнейшее развитие изложенных в работе [1] представлений о слове как достоянии индивида, о роли слова (и того, что лежит за ним в единой информационной базе) в речемыслительной деятельности и общении шло по различным направлениям. Так, в работе [2] было сделано уточнение специфики слова в индивидуальном лексиконе как точки пересечения множества связей по различным основаниям (продуктам переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта), в том числе не только по *существенным* признакам именуемых объектов (действий, состояний и т.д.), но по всем возможным видам признаков и, более того, по признакам признаков, каждый из которых может оказаться важным (существенным, характерным, актуальным) для некоторой личности в определенной ситуации. В книге [3] был обобщен опыт экспериментальных и дальнейших теоретических исследований в области лексикона человека, а в [4] описательным путем введена спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста, призванная показать всё расширяющиеся круги связей, выводных знаний и сопровождающих их переживаний, которые обеспечивают взаимопонимание при общении благодаря «раскручиванию» гипотетической спирали в двух направлениях: в прошлый опыт и в прогнозирование дальнейшего развертывания ситуации по всем возможным линиям, из которых выбирается какая-то наиболее подходящая для текущего момента (по принципу «для меня –

здесь – сейчас»). Соответствующий рисунок был введен в книгу [6] с последующим указанием на то, что представленную на этом рисунке ось «картина мира» следует называть «образ мира», что бы избежать смешения понятий «индивидуальный образ мира» (т.е. психический феномен) и «языковая картина мира» (т.е. продукт научного описания того, что закреплено языковыми средствами и нашло отображение в текстах культуры) (см.: [8: 167]).

Наиболее важной для уточнения понятия единой информационной базы человека является книга «Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования» [5], в которой фактически произошел переход на новый, более современный термин, хотя по сути первоначальная трактовка того, что лежит за словом у носителя языка, не изменилась. Термин «индивидуальное знание», с одной стороны, продолжает акцентировать внимание на принадлежности *знания* (ранее – единой информационной базы) человеку как субъекту деятельности и личности, а с другой – противопоставляет знание *индивидуальное* знанию *коллективному*. Принципиально важным является подразделение коллективного знания на два подвида: К31 и К32: под первым понимается функционирующее в культуре коллективное *знание-переживание*, а под вторым – только зарегистрированная в артефактах часть такого знания (тем или иным образом материализованные *продукты* протекающих в культуре процессов получения знания и пользования им в различных сферах жизни общества). В этой связи обратим внимание на следующие моменты.

Во-первых, была сделана попытка разобраться в том, как соотносятся между собой коллективное знание и индивидуальное знание (см. соответствующий рисунок в ряде публикаций, например: [6; 7]), а это привело к демонстрации того, что индивидуальное знание тесно связано с обоими подвидами знания коллективного, в то время как научный анализ, ориентированный исключительно на К32 (в том числе – на тексты, грамматики и словари), неизбежно оказывается редуccionистским.

Во-вторых, в [5] были подробно рассмотрены не только *принципы* функционирования индивидуального знания как психического феномена (что предполагает неразрывность процессов памяти, мышления, речи и других, протекание таких процессов на различных уровнях осознаваемости и т.д.), но и разнообразные *функции слова в лексиконе* человека, что получило дальнейшее развитие в работах [6; 8]. Последнее интересно тем, что фактически была сделана попытка осмыслить двойную жизнь значения слова, обращенного одной своей ипостасью к социуму, а другой – к личности, с целью объяснения того, как названное в свое время единой информационной базой человека «работает» в процессах познания и общения, обеспечивая успешность или ошибочность *референции на уровне индивидуального сознания и подсознания*. Представлялось важным выяснить, как эта «работа» соотносится с современными научными описаниями соответствующих процессов и их продуктов. Некоторые соображения по этому поводу высказаны в книге [7], где, в частности, рассматриваются вопросы корпоральной семантики, соотношения между

концептами и конструктами и т.д.

Пересказывать то, что имеется в названных книгах, нет необходимости. Достаточно подчеркнуть, что поступательное развитие мировой науки, смена научных метафор (от машинной через информационную и мозговую к метафоре *живого знания* – см. подробно [8]) и появление новых и новейших идей всё больше укрепляют мое убеждение в том, что независимо от используемого термина («единая информационная база» или «индивидуальное знание») мои исходные представления о том, что лежит у индивида *за словом*, вполне объясняют наблюдаемые со стороны или посредством рефлексии удивительные воздейственные возможности слова, которое живо только тогда, когда мы его не просто знаем, а переживаем как слитое с продуктами переработки многообразного опыта и всегда включенное во множество связей и отношений, вне которых не может восприниматься и опознаваться окружающий нас физический и социокультурный мир. Для индивида в естественной обстановке изолированного слова не существует – даже услышанное без контекста оно неизбежно актуализирует некоторую ситуацию, представление об объекте и т.п. с расширяющимися кругами выводных знаний, которые наше подсознание услужливо готовит к использованию в случае необходимости. При этом *целостность человека* (взаимодействие его тела и разума, невозможность отрыва продуктов перцептивных и когнитивных процессов от эмоционально-оценочных переживаний, постоянная опора на знание о том, как устроен мир, чего можно ожидать в той или иной ситуации, к чему могу привести те или иные действия и т.д.) и его постоянная включенность в те или иные естественные и социально-культурные «контексты» обеспечивают возможность удивительного и загадочного феномена *эмергентности*, благодаря которому на пересечении трех фундаментальных осей: ИНДИВИД (ЛИЧНОСТЬ), ФИЗИЧЕСКИЙ МИР (ЕСТЕСТВЕННАЯ СРЕДА), СОЦИАЛЬНЫЙ МИР (КУЛЬТУРА) возникает СМЫСЛ, не являющийся простой суммой значений слов, посредством которых можно было бы описать некоторое событие.

Краткий экскурс в мою трактовку единой информационной базы человека и слова как средства доступа к этой базе представляется своевременным в свете ссылок на мои работы при обсуждении положений, не всегда согласующихся с сутью изложенного выше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека: Учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. – 83 с.
2. Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова: Учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1982. – 80 с.
3. Залевская А.А. Понимание текста: психолингвистический подход: Учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1988. – 95 с.
4. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование: Монография. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 206 с.
5. Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы

- функционирования: Монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – 134 с.
6. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с.
 7. Залевская А.А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 542 с.
 8. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.

А.В. Имас

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА KAFFEE В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

«Der Kaffee ist schwarz, aber sein Lob weiß». Arabisch

«Der Kaffee muss heiß wie die Hölle, schwarz wie der Teufel, rein wie ein Engel und süß wie die Liebe sein».

(Ch. M. de Talleyrand)

«Die beste Methode, das Leben angenehm zu verbringen, ist, guten Kaffee zu trinken. Und wenn man keinen haben kann, so soll man versuchen, so heiter und gelassen zu sein, als hätte man guten Kaffee getrunken».

(Jonathan Swift)

«Ei! wie schmeckt der Coffee süße,

Lieblicher als tausend Küsse,

Milder als Muskatenein.

Coffee, Coffee muss ich haben,

Und wenn jemand mich will laben,

Ach, so schenkt mir Coffee ein!»

(Johann Sebastian Bach)

В статье делается попытка осмыслить и описать процессы, связанные с формированием и вербализацией концепта КОФЕ в немецком языке и немецкоязычной культуре. При этом сознательно был ограничен материал исследования: в диахронии рассматривается только ключевая лексема *Kaffee* и образованные от нее субстантивные композиты, так как именно они образуют ядро лингвокультурного концепта.

Вслед за Ю.С. Степановым мы понимаем под концептом «... сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека и то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [1: 43]; «... это некий пучок пред-